
КОМПОЗИЦИЯ ДВУХЪЯРУСНЫХ МАРТИРИУМОВ
В АРМЯНСКОМ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ЗОДЧЕСТВЕ

С. С. МНАЦАКАНЯН

В истории развития архитектурной культуры Армении красной нитью проходят древние традиции возведения ярусных сооружений, как культовых, так и гражданских. На протяжении всего средневековья эти традиции занимают значительное место в строительстве мемориальных памятников. Истоки возникновения и развития двухъярусных композиций мартриумов в раннесредневековой Армении восходят к ранним этапам становления строительной деятельности на территории Армянского нагорья, к древним традициям зодчества греко-римского мира и Переднего Востока.

Хорошо известно, что большинство типов композиционного решения культовых памятников средневековья обязано своим возникновением вполне определенному отрезку времени; архитектурное решение и декоративное убранство множества памятников Армении неотделимы от своей эпохи. Ход исторического развития обусловил появление, расцвет и угасание целого ряда архитектурных типов композиции, иконографических схем и мотивов декоративного убранства. В этой связи особое значение приобретает изучение возникшей в глубокой древности и бытующей в зодчестве Армении на протяжении всего средневековья традиции возведения двухъярусных мартриумов-усыпальниц и монументов символического характера.

Средневековые мартриумы Армении в большинстве своем известны в специальной литературе. Необходимо отметить, однако, что иногда они рассматриваются лишь как памятники своей эпохи. Между тем исследование проблем генезиса подобных мемориальных памятников представляет большой интерес, позволяя выявить принципы построения архитектурной композиции, восходящие к наследию древнего мира, принципы, творчески воспринятые, переработанные и развитые армянскими мастерами.

У средневековых авторов весьма редки и своеобразно интерпретированы упоминания о многих архитектурных сооружениях, храмах и дворцах, не говоря уже о мемориальных памятниках. Тем не менее ряд сведений о усыпальницах первых веков нашей эры можно найти у Агафангела, писавшего о сооруженных близ Вагаршапата мартриумах дев Рипсиме и Гаянэ и их сподвижниц¹; у Мовсеса Хоренаци и Фавстоса

¹ «Աղաթանգեղոսի Պատմութիւն Հայոց», Տփղիս, 1909, стр. 393.

Бузанда, отметивших усыпальницу Аршакидов в Ахце²; у Себеоса, писавшего о перестройке усыпальницы и возведении храма Рипсиме³. Ряд мартиримов зрелого средневековья описан в труде историка XIII в. Степаноса Орбеляна⁴. Однако своими корнями проблема двух ярусов мемориальных памятников уходит в то время, когда Сааком Партевом были сформулированы каноны армянской церкви, определившие социально-политический облик Армении после принятия христианства⁵. В отличие от Византии, где разрешалось хоронить видных представителей духовенства и феодальной знати внутри храмов (или внутри приделов, как это практиковалось в Сирии), армянская церковь запрещала захоронения внутри культовых сооружений. По всей видимости, этот запрет был обусловлен идущими из глубины веков традициями; известно, что аналогичный запрет оказал существенное воздействие на развитие материальной культуры античного мира. Не случайно в греко-римском зодчестве были четко разграничены функции культовых и мемориальных сооружений. Как можно полагать, подобное обстоятельство имело большое значение в формировании композиционных решений армянских раннесредневековых мартиримов. Вследствие этого стелы, отдельно стоящие памятные колонны и двухъярусные усыпальницы получили, в отличие от Сирии и Византии, широкое распространение в армянском зодчестве.

С уверенностью можно утверждать, что в эллинистической Армении задолго до принятия христианства уже существовали как отдельные мартиримы, так и обширные мемориальные комплексы. Есть свидетельство Хоренаци о мемориальных памятниках Армавира⁶; известен большой мемориальный комплекс на горе Немруд в Коммагене⁷; первым веком до н. э. датируется башнеобразная усыпальница близ Паракара, на кладбище современного села Мердзаван⁸. Последний памятник был возведен на вершине холма и, судя по сохранившимся фрагментам, представлял собой башнеобразное строение, возвышавшееся на ступенчатом стилобате. Башня была выложена из крупных камней; ее внутренний диаметр составлял около 5 м, а толщина стен 1,10—1,15 м. Размещение входа неизвестно. Примыкающая к башне кольцевая площадка стилобата имеет ширину около 2 м, по кромке она выложена крупными камнями. Высота площадки 0,45 м. Следующая «ступень» выполнена с отступом 0,9 м, из такого же камня. Кладка сухая, без раствора, камни площадок сравнительно невелики. Кладка имеет опреде-

² Մովսես Խորենացի, Հայոց պատմություն, Երևան, 1940, стр. 196; «История Армении Фавстоса Бузанда», Ереван, 1953, стр. 113.

³ «История епископа Себеоса», Ереван, 1939, стр. 76.

⁴ Ստ. Օրբելյան, Պատմութիւն նահանգին Սիսական, Թիֆլիս, 1911, стр. 42.

⁵ «Կանոնագիրք Հայոց», աշխատասիրությունը Վահգեն Հակոբյանի, հատ. Ա, Երևան, 1964, стр. 381.

⁶ Մովսես Խորենացի, стр. 75.

⁷ «Հայ ժողովրդի պատմություն», հատ. 1, Երևան, 1971, стр. 677.

⁸ Գ. Տիրացյան, Փարաբարի աշտարակաձև դամբարանը և նման հուշարձաններ Հայաստանում և Առաջավոր Ասիայում, «Բանբեր Երևանի համալսարանի», 1970, № 1, стр. 229.

ленный напуск рядов вовнутрь. Можно предположить, что внутреннее пространство усыпальницы, где было обнаружено захоронение, перекрывалось ложным сводом. Подобная система перекрытия была хорошо известна в древнем мире; в Армении известны «дома огузов» близ Ошакана, перекрытые посредством напуска каменных плит⁹. В эллинистическом зодчестве северного Причерноморья техникой ложного свода перекрыты многие мемориальные сооружения¹⁰. Высота башенного объема усыпальницы в Паракаре неизвестна, но как можно заключить исходя из конкретных особенностей кладки, она могла достигнуть пяти—семи метров¹¹. Судя по местоположению, объемно-пространственному решению и архитектурной композиции паракарского мавзолея, он был построен для видного представителя знати. Бросается в глаза несоответствие общей композиции и грубой кладки (особенно это относится к стилобату памятника). Можно предположить, что усыпальница в свое время имела облицовку из чисто тесаного камня, впоследствии утраченную.

Издавна возводившиеся на территории Армянского нагорья башнеобразные сооружения бытовали еще в архитектуре Урарту¹². По всей вероятности, аналогичную композицию имел урартский храм Алтын-Тепе¹³. Башенное жилье армян описывал Ксенофонт. Близ села Ахавнатуш Эчмиадзинского района находится башнеобразное строение, так называемый «Ардар Давид»; этот памятник Т. Тораманян относит к еще более древним временам¹⁴. Как можно судить по остаткам склепа в нижней части башни, строение могло иметь мемориальный характер.

Башнеобразные сооружения, имевшие, по мнению ряда ученых, мемориальное назначение, возводились и в Ахеменидском Иране (Каба-и-Зардушт)¹⁵. Позже, в парфянский период, там были сооружены башнеобразные мавзолеи в Хатра. Кроме башенных усыпальниц, в зодчестве древнего мира хорошо известны мавзолеи ярусного типа с колонным (как балдахинообразным, так и ротондальным) навершием.

К эллинистическому времени относится усыпальница, открытая раскопками 1970 г. в Сисиане¹⁶. В нижней части она имеет склеп (180×210 см), перекрытый ложным сводом. Стены склепа сложены из камня правильной тески, причем через три ряда от нижней отметки камни запад-

⁹ Ք. Քորաճանյան, Նյութեր հայկական արտարարարության պատմության, հատ. 1, Երևան, 1942, стр. 4.

¹⁰ В. Д. Блаватский, О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями, «Советская археология», XXIV, 1955.

¹¹ С. А. Кауфман, Об уступчатых склепах Боспора, «Сообщения Института истории и теории архитектуры», 1947, вып. 6, стр. 27.

¹² К. Л. Оганесян, Архитектура Тейшебаини, Кармир Блур IV, Ереван, 1955, илл. 58, 59; его же, Ария-Берд, Ереван, 1961, стр. 54.

¹³ Tahsin Ozguc, Altintepe, Ankara, 1966, илл. 1.

¹⁴ Ք. Քորաճանյան, Նյութեր..., стр. 10.

¹⁵ Ernst Herzfeld, Iran in the Ancient East, New York, 1941, стр. 242.

¹⁶ Մ. Խաչատրյան, Դիպլոմը Հայաստանում (Վ. թ. ա. II, Վ. թ. III), ՀՍՍՀ ԳԱ «Իրարեր» (հատ. գիր.), 1975, № 2, стр. 57.

ной и восточной стороны выдвигаются вперед. На уровне седьмого ряда кладки пролет склепа значительно уменьшается и перекрывается тремя большими каменными плитами. Не исключено, что сооружение в Сисиане отразило в своем облике черты, присущие ярусным мавзолеям эллинистического мира. Облик второго яруса можно представить, исходя из двух баз колонн, найденных при раскопках. Памятник мог завершаться четырехколонным балдахинообразным перекрытием; подобное композиционное решение было хорошо известно в зодчестве эллинистических стран Востока. В частности, оно характерно для ряда мавзолеев соседней Сирии¹⁷. О том, что в Армении этого периода сисианский памятник не был единственным, можно судить по открытому раскопками Н. Я. Марра своеобразному сооружению близ церкви Апостолов в Ани¹⁸. Анийский памятник с 4-х колоннах, сооруженный в первых веках н. э., имел четыре близко размещенные массивные колонны, перекрытые тяжелым куполом иранского типа, где отсутствовал пояс перехода, а круглое основание купола опиралось прямо на квадрат, созданный четырьмя мощными арками¹⁹. По свидетельству ряда армянских историков, в древней столице страны—Ани-Камахе в начале нашей эры существовал мемориальный комплекс, включавший усыпальницы правителей Армении. Примечательно, что этот некрополь сохранил свое значение и после принятия христианства; на его территории были возведены мавзолеи царей, принявших новую религию.

Известно, что распространение христианства явилось своеобразным рубежом в истории развития архитектурной культуры стран Ближнего Востока. Принципиальные изменения в культовом зодчестве Армении, диктовавшиеся новыми социально-политическими (и вытекающими из них религиозно-догматическими) условиями, лишь в небольшой степени затронули сложившиеся традиции возведения мемориальных соору-

¹⁷ M. de Vogüé, *Syrie Centrale*. Paris. 1865—1877, илл. 93; H. G. Butler, *Architecture and other arts*, New York, 1903, стр. 109; G. Tchalenko, *Villages antiques de la Syrie du Nord*, Paris, 1953, илл. CLXIV.

¹⁸ Н. Я. Марр, Ани, книжная история города и раскопки на месте городища, М.—Л., 1934, стр. 53.

¹⁹ С. С. Мнацаканян, Сооружение с 4-х колоннах в Ани, «Историко-филологический журнал», 1975, № 4, стр. 234. Как здесь уже отмечалось, в пользу мемориального характера анийского балдахина говорят найденные в его руинах детали, принадлежавшие, по всей видимости, небольшой памятной колонне. Очевидно, она стояла над погребением-криптой под шатром балдахина. В этой связи необходимо упомянуть о существовании сходного композиционного решения в соседней Грузии. Мы имеем в виду квадратное в плане строение в Череми, с четырьмя устоями и открытыми на все стороны арками. Купол, перекрывающий строение, как и в Ани, не имел барабана. Своеобразие Черемского «квадрата» (название, под которым памятник упоминается в специальной литературе) заключается в размещенной под балдахином небольшой крыше со входом с запада, имеющей плоскую каменную перемышку. О памятнике в Череми см.: Г. Н. Чубинашвили, *Архитектура Кахетии*, Тбилиси, 1959, стр. 207. Добавим, что погребение с памятником-колонной (Ани) и крипту со входом (Череми) под шатром четырехстолпного балдахина можно считать предтечами одного из типов двухъярусных мавзолеев в средневековом зодчестве Армении и Грузии.

жений. Нельзя забывать, что это направление в зодчестве большинства стран и народов мира отличалось большой консервативностью, способствовавшей фиксации древних принципов архитектурной композиции. Тем не менее определенные изменения произошли и здесь, что ясно прослеживается по сведениям авторов раннего средневековья. Очень интересно, что дело, видимо, заключалось не столько в коренной ломке схем древних мартирiuмов, сколько в отношении современников к мемориальным сооружениям древней Армении. Они избежали клейма язычества, из-за которого материальная культура страны потеряла подавляющее большинство храмов и святилищ первых веков н. э.

Сохранение принципов объемно-пространственного решения мемориальных памятников в Армении в период распространения христианства не было случайным явлением. Функциональные изменения в конструктивном решении и декоративном убранстве культовых сооружений, диктовавшиеся, наряду с прочими факторами, необходимостью создания обширного интерьера, требуемого особенностями нового культа, естественно, не могли определяющим образом отразиться на композиции мартирiuмов и оформлении «малых форм» этой ветви зодчества. Древние традиции возведения мемориальных (как ярусных, так и башнеобразных) памятников, возникшие в недрах культуры античного мира и Ахеменидского Ирана, давшие большой вклад в материальную культуру эллинистической Армении, были в основном сохранены и после принятия христианства. Явление, подобное этому, типично для искусства Запада, где преемственность архитектурной композиции, определявшаяся наследием античного мира, была естественной. Но в полной мере его значение можно оценить, лишь вспомнив положение дел на христианском Востоке и особенно в Армении IV в., где проблемы преемственности в развитии материальной культуры ставились и решались совершенно иначе.

Принятие Арменией христианства в качестве государственной религии в самом начале IV в. сопровождалось образованием ряда культовых центров в местах, издавна освященных памятью народа. На развалинах древних святилищ возводились объемные кресты-монументы, а затем и христианские храмы. Наряду с этим укреплению влияния новой религии должна была способствовать канонизация памяти ее мучеников, почитание мощей местных святых, возвеличивание героев, павших в борьбе с иноземными завоевателями. Так возникли мартирiuмы дев Рипсиме и Гаянэ и других близ Вагаршапата, а в связи с легендой о заточении Григория Просветителя было освящено древнее подземелье цитадели античного Арташата (Хор-Вирап). Символическая преемственность мемориального культа проявилась и в совместном захоронении останков царей, правивших страной до и после принятия христианства. Известно, что эти останки, отбитые у иранских войск в 364 г., предполагалось захоронить в культовом центре страны—Вагаршапате. Но церковь не допустила погребения «язычников» в освященной земле. И тог-

да останки были захоронены в Ахце, на склоне горы Арагац²⁰. В скульптурном убранстве памятника, для которого характерен своеобразный симбиоз раннехристианской символики и образов легендарного древнеармянского эпоса, отразились начальные этапы развития изобразительного рельефа Армении первых веков нашей эры²¹.

Усыпальница Аршакидов в Ахце (рис. 1) — древнейший точно дати-

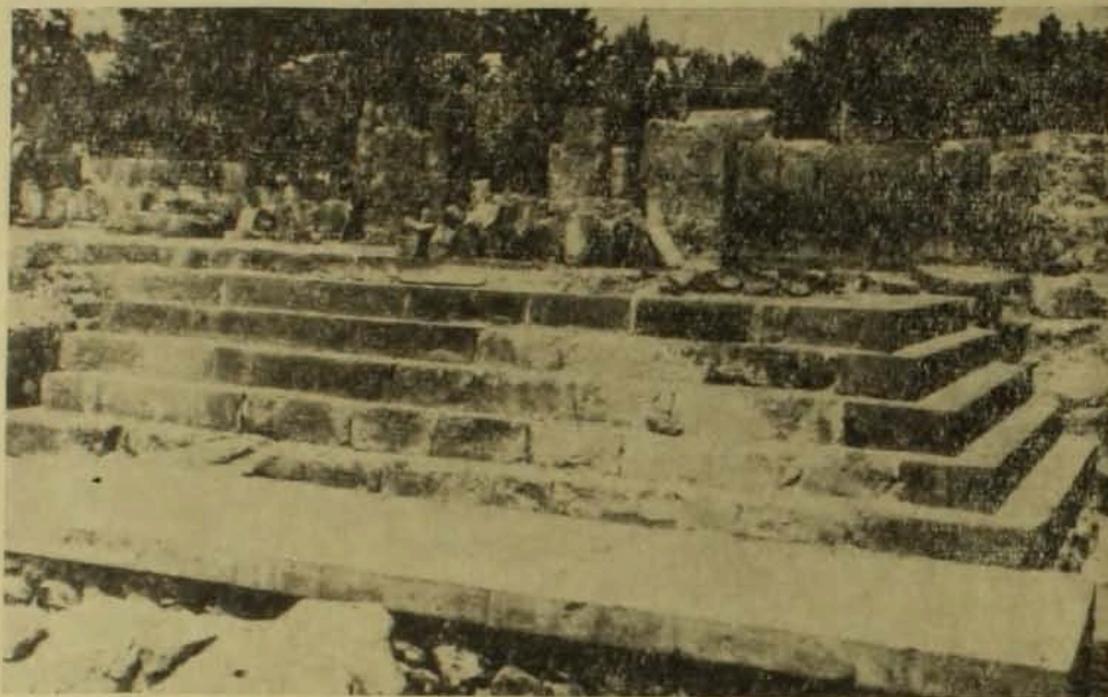

Рис. 1. Усыпальница аршакидских царей в Ахце. Стилобат (после расчистки).

рованный памятник зодчества средневековой Армении. Ее упоминал в своем труде еще О. Шахатуниац (вторая четверть XIX в.), правильно отождествляя памятник в Ахце с описываемым в «Истории Армении» Хорепаци²². Автор также отмечал позднейшее происхождение проемов в перекрытии и в апсиде сооружения. Видимо, к этому же времени следует отнести низкий сводчатый проход-дромос со многими ступенями, добавленный к западному входу и сложенный из грубого камня на глиняном растворе (он был убран при расчистке памятника). Во время реставрационных работ (предпринятых Управлением по охране и реставрации памятников Госстроя АрмССР в 1972/73 гг.) и расчистки окружающей территории была раскрыта трехнефная базилика на 4-х пилонах, размещенная к северу от усыпальницы, и ряд остатков ступенчатых стилобатов к югу от нее; как можно полагать, здесь был образован своеобразный мемориальный комплекс. Церковь расположена выше по склону,

²⁰ Մ ն Վ ս ե ս Խ ո ռ Ե ն շ ց ի, стр. 196.

²¹ Բ. Ա ռ շ Ե Ղ յ ա ն, Հ ա յ Կ ա Կ ա ս պ ա կ Ե ր ա ք ա ն Գ ա կ ն Ե ր Ը IV—VII դ ա ր Ե ր ու մ, Ե ր Լ ա ն, 1949, стр. 80.

²² Հ. Շ ա հ խ ա Բ ու լ յ ա ն ց, Ս տ ր ա գ ր ու Թ յ ու ն Կ ա Թ ո Ղ ի կ Ե Հ ճ ի ա ծ ն ի և հ ի ն գ գ ա Վ ա ո ա ց ն Ա ր շ ա ր շ ա տ ա, է ջ մ ի ա ծ ի ն, 1842, стр. 65.

в то время как усыпальница врезана своей северной стороной в скат холма. С востока оба строения размещены на одной линии, выходя на кромку ущелья. Обнажившиеся еще до расчистки три ступени на восточной стороне дали основание К. Л. Оганесяну высказать предположение о существовании второго яруса памятника²³. Это мнение подтвердилось открытием ступенчатого стилобата усыпальницы. Полуподземная часть служила стилобатом-основанием для второго яруса, вероятно, небольшой часовни (по-видимому, она была вписана в прямоугольник, явственно видный на верхней плоскости усыпальницы после расчистки). Был раскрыт и второй, западный фасад первого яруса, с центрально расположенным арочным проемом, ведущим в низкий сводчатый проход. Отсюда открывается вход в основную камеру, с апсидой на восточной стороне. С севера и юга помещены глубокие сводчатые ниши-аркосолии. Ступени стилобата охватывают всю восточную сторону памятника. С юга они частично утрачены и теперь несколько не доходят до западного фасада. Неясно лишь, как был решен вход (вернее, проход ко входу) в нижний ярус—ведь нижняя ступень стилобата почти на метр выше уровня входа. Видимо, существовали дополнительные ступени, ведущие вниз, на площадку перед входом в усыпальницу.

Предположительная реконструкция верхнего яруса-«часовни» должна отвечать ряду требований, как вытекающих из традиций возведения двухъярусных мавританумов, так и обусловленных композиционными решениями, сложившимися к тому времени в армянском зодчестве. Учитывая, что восточная и южная стены верхнего яруса должны были примыкать вплотную к верхней ступени стилобата (как во всех памятниках, имеющих ступенчатый цоколь), западная стена «часовни», видимо, представляла собой прямое продолжение западного фасада нижнего яруса памятника. Северная стена, очевидно, располагалась симметрично относительно продольной оси памятника. Исходя из этого, можно считать, что контур «часовни» был прямоугольным. Добавив апсиду на восточной стороне, вход на юге и окна-проемы на западе, юге и востоке, мы получаем основное плановое решение верхнего яруса. Перекрытые, надо полагать, было сводчатым, с двускатной кровлей, а торцы могли замыкаться фронтонами, как в ранних зальных церквях Армении.

Насколько правомерна такая реконструкция мавританума в Ахце? Отвечая на этот вопрос, необходимо упомянуть очень своеобразный памятник мемориального зодчества раннего средневековья, введенный в научный обиход исследованиями последних лет²⁴. Речь идет о двухъярусной церкви-усыпальнице VII в. в Каренисе (рис. 2), где над первым ярусом—древней сводчатой криптой с нишами и апсидой—была сооружена однонефная зальная церковь со сводчатым перекрытием, входом с юга, двускатной кровлей и апсидой на востоке. Отметим, что каренисская крипта значительно меньше и ниже камеры в Ахце, она лишена

²³ См. в кн.: А. Б. Еремян. Храм Рипсимэ, Ереван, 1955, стр. 67.

²⁴ Մ. Համբարձումյան, Հուշակերտի ճարտարապետական երկու հուշարձաններ, ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրագրեր» (Հաս. գիտ.), 1979, № 2, стр. 27.

ниш-аркосолнев, высота которых, видимо, и обусловила высоту погребальной камеры усыпальницы в Ахце; нет также ступенчатого стилобата. Сути дела это, однако, не меняет—двухъярусные памятники-мартириумы в Ахце и Каренисе воплотили различные вариации одного и того же композиционного решения, реально существовавшего в зодчестве Армении раннего средневековья.

Рис. 2. Каренис, интерьер.

Есть определенные основания предполагать, что и ряд других усыпальниц IV—VII вв. мог иметь второй ярус. Мы имеем в виду прежде всего памятники в Ошакане и Амарасе²⁵. Примечательно, что эти сооружения имели по два входа в главную камеру; нижний ярус почти наполовину возвышался над уровнем земли. Имелись специальные окна с запада, а с востока, вместо апсиды, прямоугольные ниши²⁶. Сооружения эти сильно перестроены, и ныне возможна лишь условная их реконструкция. Но основные принципы композиционного решения, видимо, шли в русле развития мемориального зодчества. Памятники в Ошакане и Амарасе отличаются от усыпальницы в Ахце расположением входов, в них нет ниш-аркосолнев. Но прямоугольная конфигурация основной камеры, над которой мог располагаться второй ярус, наводит на мысль о возможности его существования.

²⁵ Մ. Հասրաթյան, Ամարասի ճարտարապետական համալիրը, ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր» (հաս. գիտ.), 1975, № 5, стр. 35.

²⁶ Есть основания предполагать, что прямоугольная конфигурация апсид была характерна для раннехристианского зодчества. Об этом см.: Ա. Սահյան, Քաղաքապետական ճարտարապետությունը, Երևան, 1955, стр. 67.

По имеющимся на сегодняшний день сведениям, в урартском зодчестве не было двухъярусных мартириумов (в том значении, которое характерно для средневекового зодчества). Своим объемно-пространственным решением усыпальница в Ахце, однако, близка одному из выдающихся произведений зодчества Ахеменидского Ирана—гробнице Кира, сооруженной тысячелетием ранее. На протяжении многих веков в мемориальном зодчестве Запада и Востока существовал обычай возведения двухъярусных мартириумов на ступенчатом стилобате, восходящий к древнейшим скальным гробницам Ликии и гробнице, приписываемой Камбизу (Тахт-и-Рустем). Описывая обстоятельства сооружения аналогично задуманного памятника в Ахце, Б. Н. Аракелян писал: «...Этот тип подземной усыпальницы должен был быть более или менее распространенным, чтобы в условиях военного времени можно было быстро возвести подобный памятник»²⁷. В подтверждение этого мнения упомянем скальные гробницы, вырубленные в склоне игадзорского ущелья Ани²⁸. Исследования Н. М. Токарского показали, что здесь еще в IV в., когда Ани был крепостным укреплением Камсараканов, в толще скал вырубались усыпальницы, своей плановой композицией напоминающие памятник в Ахце, которые имели центральную камеру, боковые ниши-саркофаги и апсиду на востоке. По всем данным, к этому же типу следует отнести и описываемую Ст. Орбеяном усыпальницу IV в. в Шагате²⁹.

Архитектурный тип Ахца в плановом решении имеет определенную, неоднократно отмечавшуюся в специальной литературе, общность с принципами построения подземных ярусов сирийских усыпальниц эллинистического времени (Эль-Баран, Хатура, Миджлейя). Но есть и существенное отличие—в Ахце и Ани были апсиды, являющиеся элементом христианского культа. Как можно объяснить их наличие в мартириумах? Известно, что в мемориальном культе античного мира видное место было отведено поминальному церемониалу. В Армении христианство переняло эту традицию; как отмечал Фавстос Бузанд, в усыпальницах устраивались поминальные службы в канун определенных дней года (как можно заключить по тексту первоисточника, регулярно служба в мартириумах не велась)³⁰. Очевидно, что для христианского поминания апсида была

²⁷ *Բ. Արաքելյան*, указ. работа, стр. 31.

²⁸ Н. М. Токарский, По страницам истории армянской архитектуры, Ереван, 1973, стр. 51.

²⁹ *Մ. Օրբելյան*, стр. 42.

³⁰ Фавстос Бузанд, История Армении, Ереван, 1953, стр. 9: «Ибо так именно было в обычае армянских патриархов вместе с царями, вельможами, нахарарами и множеством народа чтить те места, где раньше были изображения идолов, а затем во имя бога были очищены и сделались домами молитвы и местом паломничества для всех. В особенности, имели обыкновение собираться в той главной церкви и там совершать поминование покоящихся там святых ежегодно седьмого числа месяца Сахми, более всего в часовне великого пророка Иоанна. Так же ежегодно собирались в апостольских часовнях во имя учеников господних и в церквах во имя мучеников и с великой радостью праздновали день поминования их деяний и подвигов их жизни».

необходимым элементом. Вероятно, именно этим следует объяснить наличие апсид в планировке Ахца и анийских усыпальниц IV в. Отметим, что апсиду (или прямоугольную нишу на восточной стороне) имели лишь те памятники, в которых существовал заранее предусмотренный вход и которые, по-видимому, были приспособлены для поминального церемониала (Ахц, Анц, Рипсима, Ошакан, Амарас, Каренис)³¹.

В зодчестве Армении в раннем средневековье существовал и другой тип ярусного мартириума, хорошо известный по памятникам эллинистического времени (выше отмечались композиционные особенности башнеобразной усыпальницы в Паракаре и мартириума в Сисиане). В Ахеменидском Иране и Сирии первых веков н. э. хорошо известны башенные мемориальные сооружения. Традиции их возведения, столь же древние, как и обычай возведения двухъярусных мартириумов на ступенчатом стилобате, были живы в первых веках нашей эры. Есть все основания считать, что распространившееся в Армении христианство их не отвергло. В подтверждение можно привести историю сооружения башнеобразной усыпальницы Рипсима³². Памятник этот (рис. 3), согласно легенде о распространении христианства в Армении возведенный в самом начале IV в. и разрушенный персами, был восстановлен католиком Сааком Партевом (387—439 гг.), видимо, после прекращения военных действий, в конце IV в. В таком виде памятник простоял до 618 г., когда католикос Комитас, приступив к сооружению на том же месте одноярусного купольного храма, снес башню, сохранив под апсидой нового храма нижний ярус-крипту древней святыни. Как отметил Т. Тораманян, первоначально крипта имела вход с запада³³. В плане она имела вид вытянутого прямоугольника с апсидой. Перекрытие было сводчатым, подковообразным. Объемно-пространственное решение верхней части памятника Рипсима в специальной литературе принято реконструировать исходя из рельефного изображения на одной из стел монумента в Одзу-

³¹ Это композиционное решение было хорошо известно и в Грузии. Малую церковь Джвари, Креста Мухетского, несомненно, следует отнести к тому же типу двухъярусных мартириумов, со склепами в первом ярусе и церковью-молельней во втором. Г. Н. Чубинашвили датирует памятник 545—586 гг., считая, что он предшествовал большому храму. В отличие от него Ш. Я. Амирашвили отмечает, что малая церковь Джвари являлась храмом-усыпальницей для тех лиц, которыми построен главный храм, и относит его к первой половине VII в.

Памятник имеет два яруса. Первый ярус—глухой массивный объем, внутри которого размещены три сводчатых склепа. Второй ярус—зальная церковь, центральная часть которой была перекрыта (предположительно) крестовым сводом. Все сооружение было взято под двускатную кровлю. Ко второму ярусу вели две широкие лестницы, упирающиеся в портики. Очевидно, что малая церковь Джвари есть не что иное, как двухъярусный мартириум со склепами и поминальной церковью, возведенный в память видных представителей феодальной знати. Об этом см.: Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948, стр. 14; Ш. Я. Амирашвили, История грузинского искусства, М., 1963, стр. 115.

³² *Աղգաթանգեղայ Պատմութիւն Հայոց»,* стр. 394.

³³ *Ք. Բ. Արամյանի, Նյութեր, стр. 293.*

не³⁴. При определенной условности в трактовке архитектурной формы это изображение вполне убедительно передает облик башнеобразного сооружения со ступенчатым цоколем-стилобатом, башенным объемом нижней части и своеобразным балдахином на четырех квадратных столбах, завершающим памятник. Венчал сооружение «объемный» крест, хорошо известный по многим мемориальным памятникам раннего средневековья.

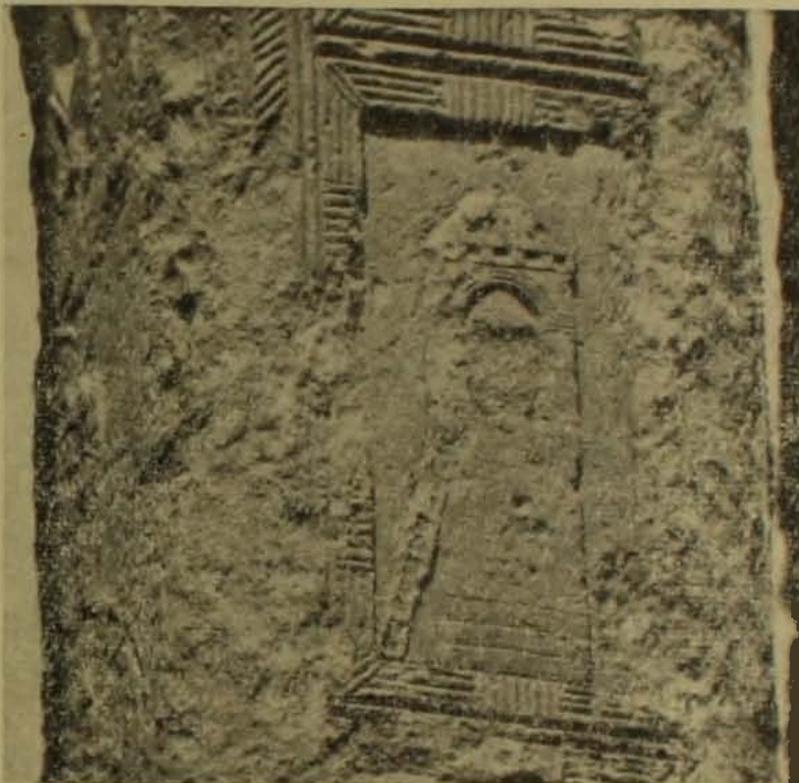

Рис. 3. Рельеф башнеобразного мартирiuма Рипсима на южной стеле Одзунского монумента.

Древние истоки подобного композиционного решения можно усмотреть в усыпальницах Ахеменидского и Парфянского Ирана³⁵, в эллинистическом зодчестве Триполитании³⁶, Сицилии и Пальмиры³⁷. Классическим примером сочетания глухого, поднятого на ступенчатый стилобат башенного объема первого яруса с колоннадой (или балдахином) вто-

³⁴ Как считает Б. Н. Аракелян, здесь отображена легенда о распространении христианства в Армении. В каноническом тексте фигурирует именно памятник Рипсима, после возведения которого царю Трдату был возвращен человеческий облик. Место данного рельефа в скульптурном цикле позволило идентифицировать изображение башни с мартирiuмом Рипсима. Об этом см.: С. Х. Мнацаканян, Об одном неизвестном типе сооружений древнеармянской архитектуры, «Известия» АН АрмССР (общ. науки), 1952, № 7.

³⁵ F. Sargе, E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin, 1910.

³⁶ „Enciclopedia dell'arte antika, classica e orientale“, t. III, стр. 863.

³⁷ К. Михаловский, Пальмира, Варшава, 1968, стр. 11—16; H. Klenge l, *The art of ancient Syria*, Leipzig, 1974, стр. 163—167.

рого яруса может служить Галикарнасский мавзолей (ок. 353 г. до н. э.) — о его облике можно судить по ряду реконструкций³⁸. Впоследствии подобное решение стало обычным для многих мавзолеев эллинистического мира; такова, например, гробница в Браде (Сирия, II в. н. э.)³⁹.

В архитектуре древнего мира балдахинообразное, впоследствии ротондальное покрытие символизировало защиту святыни, погребения, в Иране — священного огня⁴⁰, затем — «объемного» креста, устанавливаемого в период распространения христианства. В мавзолее Рипсима со всей определенностью проявились признаки синтеза, характерного для многих мемориальных памятников эллинистического мира. Так, например, еще в гробнице Ферона (I в. до н. э.) второй ярус, решенный в формах дорического ордера, был поднят на высоком квадратном в плане подиуме. Аналогично решено башнеобразное мемориальное сооружение в Читзе (Триполитания), со сквозной аркатурой верхнего яруса, в свою очередь помещенного на глухом башенном объеме. Раскопки мавзолея в Сиснапе показали, что архитектурный тип, воплотивший в себе композиционные решения башни (первый ярус) и балдахина (второй ярус), существовал в зодчестве эллинистической Армении. Не исключено, что однотипную с упомянутой композицию имела и усыпальница Гаянэ IV в. Ее подземная крипта, также, по всей видимости, являвшаяся нижним ярусом памятника, была сохранена под апсидой купольного храма 630 г. К сожалению, эта крипта была подвергнута коренной перестройке, что не позволяет сделать определенные выводы о характере первоначального решения памятника. Опираясь на известные в истории армянской архитектуры примеры продолжения традиции композиционных решений эллинистического времени в эпоху раннего христианства, можно предположить, что при возведении мавзолеев в Вагаршапате определенное значение имели традиции сооружения башенных и ярусных памятников, бытовавшие как в Армении, так и в соседних с ней странах.

Принципы ярусного построения мемориальных сооружений нашли отражение в плановом и композиционном решении усыпальницы V в в Зовуни (рис. 4). Почти квадратная в плане площадка, занимаемая этим небольшим мемориальным ансамблем, имеет по своему контуру ступени стилобата (числом три); подобное решение типично для многих мавзолеев. Однонефная зальная церковь с подковообразной апсидой и входом с юга занимала большую часть основания-площадки; сама усыпальница размещена в юго-восточной части площадки. В юго-западном углу образована небольшая каменная квадратная площадка, откуда открывается как вход в церковь, так и круто спускающийся проход в подземелье усыпальницы. От памятника сохранился лишь первый ряд кладки над стилобатом; несколько лучше сохранилось подземелье усыпальницы, глубиной 2,80 м. Кладка подземного яруса вы-

³⁸ С. Бобчев, История на архитектурата на стария свят, София, 1954, табл. 72.

³⁹ Joseph Mattern, *Villes mortes de Haute Syrie*, Beyrouth, 1944, стр. 143.

⁴⁰ Ernst Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, стр. 214.

полнена тесаным камнем, со своеобразными выступами на северной и южной стороне (вероятно, они служили опорой бревнам деревянного перекрытия; о том, что оно было именно деревянным, говорит отсутствие следов сводчатого перекрытия выше данных выступов). По всей видимости, памятник в Зовуни представлял собой характерное сочетание однефной зальной церкви (как уже отмечалось на примере

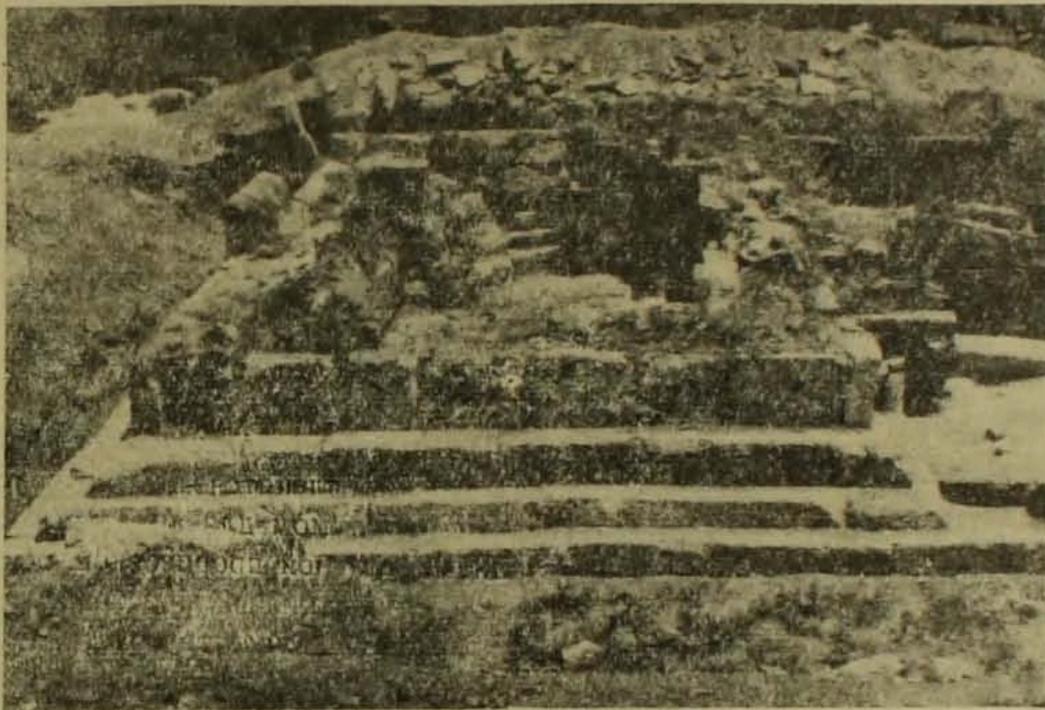

Рис. 4.

подземных усыпальниц с апсидами, культовые строения при мартирiuмах служили, видимо, нуждам поминального церемоннала) и двухъярусной усыпальницы с подземной криптой и башнеобразным вторым ярусом. Хронологическая близость дает право на прямое сопоставление объемно-пространственного решения памятника в Зовуни с усыпальницей Рипсиме, где также было применено сочетание прямоугольной кривы нижнего яруса и башенного, завершающегося балдахином, второго яруса.

Традиции возведения двухъярусных мартирiuмов, отразившиеся в характерном сочетании зальной церкви и башнеобразной усыпальницы, бытовали в армянском зодчестве и впоследствии; примером служит Цахац-Кар, 1041 г. Здесь зальная церковь и башнеобразный объем усыпальницы размещены не рядом, как в Зовуни, а по продольной оси⁴¹. Подобное сочетание применялось и позднее. В датированном 1303 г. небольшом мартирiuме села Гомур (Азизбековский р-н) сочетаются небольшая сводчатая часовня и высокий хачкар-монумент, обрам-

⁴¹ Л. Р. Азарян, Армянские хачкары, Париж, 1973, илл. 20.

ление которого завершается двускатным щипцом. Здесь, видимо, нашли отражение традиции возведения ярусных мартириумов древности, трансформировавшиеся в соответствии с новым направлением в развитии мемориального зодчества⁴². Впрочем, не исключена возможность и того, что в облике мемориального ансамбля в Зовуни некогда было воплощено иное архитектурное и композиционное решение, бытовавшее в мемориальном зодчестве Армении IV—VII вв.⁴³

В типологии двухъярусных мартириумов IV—VII вв. особое место занимают монументальные памятники символического характера в Одзуне (VI в.) и в Агуди (VII в.). Памятники эти — арочные строения на высоких подножиях со ступенями. Они могут служить примером сочетания легких конструкций верхнего яруса с массивным подножием, формы которого явно унаследованы от нижнего яруса памятников эллинистического времени. Своеобразие решения, примененного в Одзуне армянскими мастерами, прежде всего относится к гармоничному сочетанию строгих архитектурных форм и тонких, пластично моделированных сюжетных рельефов, которыми разработаны установленные в проемах арок стройные, высокие стелы.

В своем принципиальном решении памятник в Агуди (рис. 5) близок одзунскому. Композиционно его фасады членятся на три яруса: нижний, подчеркнуто массивный, служит подиумом для аркатуры второго яруса, увенчанной карнизом с орнаментальной прорисовкой. Между высокими пилонами, формирующими оригинальный пространственный рисунок этого арочного монумента, размещалась трехчастная аркатура с прямоугольным выступом поверху; это и был третий ярус сооружения, разрушенный землетрясением в 1931 г. Памятник в Агуди⁴¹ стоит на двухступенчатом цоколе. Массивный первый ярус на западном фасаде прорезан двумя полукруглыми арками. Большая арка явно имитирует вход в подземный склеп, напоминая вход усыпальницы в Ахце, а также некоторые сирийские мартириумы с арочными прое-

⁴² 2. Եղիշաքյան, Ազիզբեկովի շրջանի կուլտուրայի հուշարձանները, Երևան, 1955, стр. 89.

⁴³ По ряду причин менее вероятно, хотя и не исключено полностью, и другое композиционное решение памятника в Зовуни. В зодчестве Армении раннего средневековья известен тип мартириума, сочетавшего в себе однефную зальную церковь и стоящую рядом памятную колонну на ступенчатом стилобате. Впервые подобный ансамбль был раскрыт Н. М. Токарским при раскопках в Джрвсже. Аналогичное решение присуще возведенному в Аване памятнику св. Аствацацин (Богородицы), по мнению К. Г. Кафадаряна датируемому IV—VI вв. Возможно, что и в Зовуни рядом с зальной перковью V в. над погребением стояла памятная колонна на ступенчатом стилобате, органически продолжавшем ступенчатое основание всего памятника. О принципах объемно-пространственного построения аналогичных сооружений см.: Н. М. Токарский, Джрвж II, Вохджаберд, Ереван, 1964, стр. 26, илл. 16; Կարն Ղաֆաքյան, Երևան, Միջնադարյան հուշարձանները և վիճակի արձանագրությունները, Երևան, 1975, стр. 81; С. С. Мнацаканян, Раннесредневековые мемориальные памятники в Аване, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1975, № 11, стр. 29.

⁴⁴ В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян, Памятники армянского зодчества, М., 1951, стр. 48.

мами подземных склепов⁴⁵. Малая боковая арка ведет в узкую арочную галерею, имеющую два проема на северном фасаде. Такое решение, очень необычное для мемориального памятника, было, вероятно, отголоском боковых арочных галерей зальных церквей Армении раннего средневековья. Устремленная вверх аркатура второго яруса неизбежно потеряла бы свою выразительность, если бы тяжелая монолитная перемычка, служившая основанием третьего яруса, была бы реше-

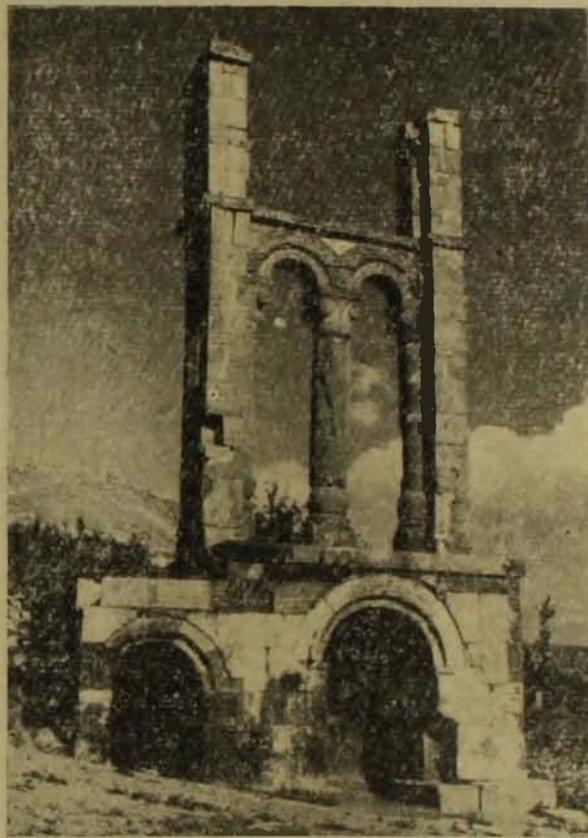

Рис. 5.

на в строгих формах. Но к тому времени армянские мастера накопили опыт зрительной трансформации тяжелых, массивных элементов каркаса: здесь архивольты крупных арок, покрытые листовым орнаментом, повторены в рисунке арочек, оформляющих лицевые плоскости перемычного камня. На восточном фасаде размещена трапециевидная рамка; судя по деталям рельефа, в ней была изображена бычья голова. Подобные геральдические символы хорошо известны по многим памятникам средних веков. При расчистке памятника был найден камень с фрагментом строительной надписи. В ней говорится о постановке креста, венчавшего монумент. Здесь же были найдены детали «объемного» креста — характерного навершия многих мемориальных памятников раннего средневековья.

⁴⁵ А. Л. Якобсон, Очерк истории армянского зодчества V—XVII вв., М.—Л., 1951.

Наряду с памятником в Одзуне, арочный монумент в Агуди был одним из выдающихся произведений зодчества Армении IV—VII вв. Повторяя в своей композиции древние принципы возведения ярусных мартирнумов, подобные архитектурные формы, возможно, были связующим звеном между искусством раннехристианского мира и двухэтажными церквами-усыпальницами развитого средневековья.

В трудах средневековых историков нет упоминаний о мемориальных памятниках в Одзуне и Агуди. Анализируя особенности их композиционного решения, можно усомниться в том, что подобные сооружения могли быть возведены всего лишь в качестве простых надгробий. Не случайно, что в Одзунском монументе, наряду с евангельскими сценами, нашла отражение легенда о распространении христианства в Армении⁴⁶. Нельзя исключить, что их сооружение было связано с какими-то событиями общенационального значения. К тому же нет достоверных сведений о существовании в обоих местах захоронения.

Примечательно, что в нижнем ярусе памятника в Агуди прорезаны арки, имитирующие склеп. Как можно истолковать их назначение?

Кроме обычных votivных и мемориальных памятников, возводимых близ погребения, в архитектурном наследии греко-римского мира известны кенотафы—символические мартириумы в честь павших героев, имена которых остались неизвестны⁴⁷. Подобный архитектурный тип был известен и в армянском зодчестве. Об этом можно судить по надписи на мозаичном полу армянской усыпальницы VII в., обнаруженной раскопками 1894 г. у Дамасских ворот в Иерусалиме. Текст этой надписи гласит: «...На помин и спасение (души) всех армян, имена которых лишь Господу ведомы»⁴⁸. Несомненно, что погребение в Иерусалиме относится к совершенно самостоятельному типу, представляя собой мартирнум-кенотаф. Возможно, что одним из признаков подобного сооружения следует считать имитацию входа в подземный склеп (в действительности не существовавший)—характерную деталь арочного монумента в Агуди. Ни в одном памятнике армянского мемориального зодчества, имевшем погребение, нет ложного склепа или имитации входа в крипту. Подобное решение могло быть оправданным лишь при совершенно ином, символическом характере возводимого мартириума. Отсутствие захоронения, при монументальности композиционного решения, многообразии орнаментального декора и символическом значении скульптурных циклов (Одзун) и ложного склепа (Агуди), дает нам определенное основание расценивать эти сооружения как мартириумы-кенотафы общенационального значения, символизировавшие как победу христианства, так и скорбь о соотечественниках, павших в борьбе.

Отличительной особенностью принципов возведения двухъярусных мартирнумов представляется их стойкость к трансформирующему воз-

⁴⁶ Р. Առաքելյան, указ, работа, стр. 47.

⁴⁷ А. Whittick, Symbols, signs and their meaning, London, 1960, стр. 158.

⁴⁸ Б. Н. Аракелян, Армянская мозаика IV—VII вв., «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1971, № 3, стр. 19.

действию совершенно иных течений, неизбежно возникавших в ходе развития архитектурной мысли. Устойчивость, традиционализм в композиции этих памятников—уникальное явление в истории зодчества средневековой Армении. Известно, что изменения в политической жизни страны и в ее экономическом положении, в социально-правовом положении как знати, так и народа неизбежно отражались на материальной культуре страны. Знаменательно, что совершенство архитектурных форм двухъярусных мартириумов, гибкость и универсальность принципов планировки, простота и гармоничность композиционных решений свели к минимуму подобные изменения, обусловив долгую жизнь древней традиции, архаизирующее влияние которой прослеживается на протяжении всего средневековья. Запечатленная в материальной культуре страны древняя традиция возведения двухъярусных мартириумов связала воедино элементы архитектурного наследия древнего мира и раннего средневековья и сыграла большую роль в процессе формирования архитектурных композиций на рубеже III и IV вв. В облике многих мемориальных памятников раннего средневековья воплощены идущие из глубины веков принципы возведения башенных и ярусных мартириумов; это свидетельствует о большом творческом вкладе армянских мастеров в историю развития одной из классических архитектурных композиций.

ԵՐԿՀԱՐԿ ԳԱՄԲԱՐԱՆԱՅԻՆ ՀՈՐԻՆՎԱԾՔՆԵՐԸ
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՎԱՂ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՃԱՐՏԱՐԱԿԵՏՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Ա. Ս. ՄԱՅԱԿԱՆՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հոդվածը նվիրված է IV—VII դդ. հայկական ճարտարապետության մեջ յուրահատուկ տեղ գրավող երկհարկ դամբարանային հորինվածքների կազմավորման և զարգացման խնդրին: Ելնելով ինչպես հին Հայաստանի մեմորիալ հուշարձանների, այնպես էլ հարևան երկրների (Բյուզանդիա, Վրաստան) համանման հորինվածք ունեցող կառույցների ճարտարապետական ձևերից, կարելի է ուրվագծել վաղ միջնադարյան Հայաստանի դամբարանային կառույցների հին արևելյան և հելլենիստական ակունքները: Վերջին տարիների ընթացքում պեղումների հետևանքով հայտնաբերված նոր նյութերը հնարավորություն են տալիս առաջարկել հայկական ճարտարապետության հնագույն, ճիշտ թվագրված հուշարձանի՝ Արշակունյաց թագավորների Աղցի դամբարանի (IV դար) ծավալային լուծման վերակազմության տարբերակը: Բացի այդ, հոդվածում նշվում են Զովունիի V դարի երկհարկ դամբարանի ծավալային լուծման հնարավոր ձևերը: Ինչ վերաբերում է Օձունի (VI դար) և Աղուղիի (VII դար) կոթողներին, ապա դրանք կարելի է դիտել որպես մարտիրոս-կենոտաֆներ, կանգնեցված համազգային նշանակություն ունեցող իրադարձությունների առթիվ, թերևս անհայտ հերոսների հիշատակը հավերժացնելու նպատակով:

Հոդվածում առաջ է քաշվում հայկական վաղ միջնադարյան ճարտարապետության մեջ մեմորիալ, երկհարկ դամբարանային հուշարձանների նշա-

նակության հարցը: Ընդ որում, նրանք դիտվում են որպես ճարտարապետական մշակույթի զարգացման յուրովի ուղղության արգասիք: Հայկական միջնադարյան մեմորիալ ճարտարապետության զարգացման հարցում ամենատեղական նշանակությունն է ունեցել հայ եկեղեցու կողմից պաշտամունքային կառույցներում թաղումներն արգելելու օրենքը, որն իր գոյությունը պահպանեց ամբողջ միջնադարի ընթացքում: Այս հանդամանքն էլ, ըստ էության, կանխորոշեց մեմորիալ և դամբարանային կառույցների ճարտարապետության այն բուռն զարգացումը, որը շենք տեսնում ո՛չ Բյուզանդիայում, և ո՛չ էլ Ասորիքում: Ստեղծվեց մեմորիալ հուշարձանների հարուստ պալիտրա (կոթողներ, հուշասյուներ, քառամուկ և ոտտոնդաձև ծածկեր, երկհարկ դամբարանային հորինվածքներ, մոնումենտներ-կենոտաֆններ), որոնք իրենց արժանի տեղը գտան ամբողջ միջնադարյան հայկական ճարտարապետական մշակույթի մեջ:

Ժառանգելով հին արևելյան և հելլենիստական կառուցողական սկզբունքները, հայկական վաղ միջնադարյան մեմորիալ ճարտարապետությունը ըստ էության միակ բնագավառը եղավ, որտեղ քրիստոնեական դարաշրջանում շարունակեցին գոյատևել մի շարք հորինվածքներ, հանգամանք, որը չի նկատվում պաշտամունքային ճարտարապետության բնագավառում: Միաժամանակ վաղ միջնադարյան երկհարկ դամբարանային հորինվածքները ելակետ հանդիսացան զարգացած միջնադարին բնորոշ կառույցների մշակման համար, դրսևորվելով ոճական նոր ուղղությանը բնորոշ մի շարք հետաքրքիր հուշարձանների ձևերում (Յաղաց-Քար, Նորավանք):